

СТРАБОН

ОПИСАНИЕ ИБЕРИИ

(Третья книга «Географии»)

Глава первая

1. Сделав общий очерк описания земли, мы вслед за этим опишем как следует каждую в отдельности ее часть. Таков обещанный нами план, и я думаю, что до настоящего времени распределение моего труда было вполне правильным. Поэтому я нахожу нужным начать снова с Европы и с тех именно частей ее, с каких мы начинали и прежде, по тем же причинам.

2. Первой страной Европы к западу, как мы уже сказали, является Иберия (Испания). Большая часть Иберии населена слабо, потому что люди принуждены жить на земле тощей, покрытой горами, зарослями и бесплодными равнинами, притом большая часть страны орошена не в одинаковой мере и плохо. Та часть Иберии, которая расположена на севере, при суровости своей каменистой почвы отличается еще чрезвычайным холодом и, кроме того, лежит у океана, являясь, сверх того, недоступной, и лишена всякого сообщения с другими странами, так что неудобствами жизни она превосходит прочие части. Таковы эти места Иберии. Напротив, вся южная Иберия богата, в особенности та часть ее, которая лежит по ту сторону Геракловых Столбов; это будет ясно при описании мной каждой ее части в отдельности, а сначала определим общий вид и величину всей Иберии.

3. Иберия похожа на бычачью шкуру, разложенную в длину от запада к востоку—так, однако, чтобы передние части были обращены к востоку,—а в ширину—от севера к югу. В длину она имеет шесть тысяч стадий, а в ширину, как максимум, пять тысяч; но в иных местах она имеет гораздо менее трех тысяч стадий, и наименее по краям Пиренейского горного хребта, составляющего восточную границу полуострова. Этот горный хребет, идя на всем протяжении с севера на юг, отделяет Кельтику от Иберии. Ширина Кельтики, как и Иберии, не одинакова; обе они представляют наименьшую ширину в направлении от нашего (Средиземного) моря к океану, поблизости у Пиренейского хребта, от одного его конца до другого. Тут образуются заливы, один со стороны океана, другие со стороны нашего моря. Кельтские заливы, которые иначе называются Галатскими (Галльскими), обширнее иберийских, суживая перешеек сравнительно с иберийской частью. Пиренейские горы составляют восточную границу Иберии; южную составляет наше море от Пиреней до Геракловых Столбов, а затем океан до, так называемого, Священного мыса. Третья граница, западная, почти параллельная с Пиренейскими горами, тянется от Священного мыса до Артабрийского, который обыкновенно называется мысом Нерием,

наконец, четвертая граница идет от этого мыса до северных пределов Пиренейских гор.

4. Приступим к описанию каждой части в отдельности, начиная от Священного мыса. Мыс этот — самая западная оконечность не только Европы, но и всей обитаемой земли. Ибо обитаемая земля на западе оканчивается двумя материками, мысами Европы и передовыми выступами Ливии, из которых первыми владеют иберийцы, а вторыми маврусии. Среди оконечностей Иберии выдается особенно тот мыс, о котором мы уже говорили, в тысяча пятьсот стадий в окружности. Страну, прилегающую к этому мысу, обыкновенно называют латинским словом Куней, обозначая этим «клин». Самый мыс, выступающий далеко в море, бывший, по его словам, в этом месте Артемидор уподобляет кораблю, прибавляя при этом, что сходство его с кораблем увеличивают три близлежащие островка, из которых один расположен так, что образует как бы нос корабля, а два других, у которых есть небольшие стоянки для кораблей, представляют как бы штурмовые башни («уши») корабля. Артемидор замечает, что на этом мысе нет ни храма Геракла, а что выдумал его Эфор; нет здесь и алтаря Геракла или какого-либо другого бога; но в некоторых местах камни лежат по три, по четыре вместе; их переворачивают посетители в силу обычая предков, а сделав возлияние, перекладывают их в другое место. Приносить жертвы здесь вовсе не в обычае и подходить к этому месту ночью не дозволяется, так как, по верованию туземцев, в ночное время сами боги посещают эту гору; поэтому люди, приходящие сюда с целью посмотреть, обыкновенно ночуют в близлежащей деревне, где ждут рассвета, а затем быстро поднимаются на гору, взяв с собой воды, потому что там ее нет.

5. Всё это возможно, и в этом следует верить Артемидору; но нельзя верить тому, что выдумывает он, подобно невежественной толпе. Толпа, говорит Посидоний, уверена, что на побережье океана солнце при погружении в океан увеличивается, причем заходит с (большим) шумом, как будто море шипит при гашении светила, так как последнее будто бы погружается в недра океана. Несправедливо также, будто ночь наступает тотчас после захода солнца; вовсе не тотчас, а немного спустя, как это бывает и на прочих больших морях. Где солнце заходит за высокие горы, там после заката день еще несколько продолжается, благодаря отраженным лучам; напротив, там, на океане, продолжения дня не бывает, но, вместе с тем, и темнота наступает не вдруг; на больших равнинах точно так же. Что касается до кажущегося увеличения солнца, какое наблюдается в открытом море как во время восхода, так и перед заходом, то это происходит от густых поднимающихся там испарений; через эти испарения, как через стекла, зрение преломляется и воспринимает предмет в увеличенном виде; равным образом, если глаз наш смотрит через сухое и прозрачное облако на солнце или луну при заходе или восходе, то он видит светило несколько увеличенным и вместе красноватым. Этот обман зрения, говорит Посидоний, заметил он в течение тех тридцати дней, которые провел в Гадейрах и которые он посвятил наблюдению над заходом солнца. А вот Артемидор, напротив, уверяет, что солнце здесь при заходе увеличивается во сто раз и что ночь наступает вдруг; он говорит, что сам это видел на Священном мысе. Читателям, однако, не следует полагаться на его уверения, потому что он ведь сказал, что присутствовать ночью на этом мысе никому не дозволяется, а так как ночь наступает там немедленно за днем, то всякий, конечно, должен удаляться с мыса еще за некоторое время до захода солнца. Невозможно также, чтобы он видел это в другом каком-нибудь месте у океана, ибо Гадейры находятся у океана, а между тем, Посидоний и многие другие отрицают это.

6. Побережье, прилегающее к Священному мысу, служит, с одной

стороны, началом западного берега Иберии до устьев реки Тага, а с другой—южного берега до устьев другой реки, называемой Анасом (Гвади-Ана). Обе реки текут из восточных частей Иберии. Первая, будучи гораздо больше второй, направляется прямо до самого устья на запад; река же Анас поворачивает к югу, образуя междуречье, заселенное преимущественно кельтами и отчасти лузитанами, которых римляне переселили с противоположного берега Тага. В северных частях страны живут многочисленные племена: карпетаны, оретаны и веттоны. Страна эта умеренно плодородна, а местности, прилегающая к ней на востоке и юге, не уступает ни одной местности на всей обитаемой земле по обилию добываемого здесь из земли и моря. Это—та самая страна, через которую протекает река Бетис, берущая начало в одних местах с Анасом и Тагом, по величине занимающая середину между обеими реками. Река Бетис, подобно Анасу, течет сначала на запад, потом поворачивает на юг и изливается в море на том же берегу, что и река Анас. От имени реки и страна называется Бетикой, называясь также и Турдетанией по имени народов, живущих здесь. Народы эти называются и турдетанами и турдулами. Одни полагают, что оба имени принадлежат одному и тому же народу, а по мнению других, под этими именами скрываются различные народы; между прочим, Полибий утверждает, что турдулы—северные соседи турдетанов. В настоящее время между этими двумя народами не видно никакого различия. Между иберийцами турдетаны считаются самым образованным народом: они имеют письменность, имеют записанную свою историю с древних времен, имеют поэмы и законы, изложенные, как говорят, в шести тысячах стихов. Прочие народы Иберии также владеют письменностью, но на другом наречии, потому что они говорят на разных языках. Та страна, которая лежит по сию сторону реки Анаса, тянется к востоку до Оретании, к югу же простирается до морского берега от устьев Анаса до (Геракловых) Столбов. Необходимо поговорить подробнее и об этой стране и о близлежащих к ней местах, чтобы тем легче было узнать их прекрасную природу и богатства.

7. Атлантическое море, врезаясь в промежуток между иберийским побережьем, где находятся устья рек Бетиса и Анаса, и между краями Маврусии, образует пролив (Геракловы) Столбы, которым внешнее Атлантическое море соединяется с нашим, внутренним (Средиземным). Тут, в земле иберийцев-бастетанов, которых называют также бастулами, находится гора Кальпа. По объему гора эта не велика, но отвесная высота ее до того значительна, что издали можно принять ее за остров. Если плыть из нашего моря в Атлантическое, то Кальпа останется на правой стороне. Недалеко от этой горы, на расстоянии сорока стадий, лежит замечательный древний город Картея, бывший когда-то иберийскою пристанью. Некоторые писатели говорят, что основание городу положил Геракл; мнение это разделяет и Тимосфен, прибавляя, что в древности город назывался Гераклеей и что еще теперь можно видеть огромную стену, его окружавшую, корабельные стоянки и верфи.

8. Далее следует Меллария, имеющая заведения для соления рыбы; немного дальше находится город Белон при реке того же имени. Отсюда обыкновенно совершается переправа различных товаров и соленой рыбы в Маврусийскую Тингу. По соседству с Тингой находился город по имени Зелис, но римляне перенесли этот город на противоположный берег пролива, переселив сюда и некоторых тингийцев; в новый город послали еще римских колонистов и назвали его Юлией Иозой. Затем следует остров Гадейры, отделенный от Турдетании узким каналом и удаленный от Кальпы почти на семьсот стадий, а по мнению других—на 800. Этот остров не отличается чем-либо особенным от прочих островов, но, благодаря неустрашимости его жителей в мореходстве и благодаря дружбе с римлянами, его

благосостояние во всем возросло до такой степени, что, несмотря на положение на краю земли, он знаменитее всех прочих островов. Мы будем говорить о нем при описании других островов.

9. Следом идет, так называемая, гавань Менесфея, а потом топь у (города) Асте и Набриссе. Топью называется береговая лощина, наполняемая морской водой во время приливов и дающая возможность, как по реке, проникать вглубь страны и к городам, лежащим внутри материка. Затем далее находится разделенное надвое устье Бетиса. Остров, образуемый двумя рукавами этой реки, по свидетельству одних, имеет в длину по береговой линии сто стадий, а по свидетельству других — больше этого. Тут же и оракул Менесфея, и Цепионова башня, построенная на скале, окруженной со всех сторон водою. Эта башня прекрасно построена и, подобно Фаросу, предназначена для спасения моряков. Действительно, постоянно выбрасываемый рекою ил образует здесь мели, а всё дно перед этим местом усеяно подводными камнями, почему и необходим какой-нибудь знак, видимый издали. Далее следует вход в Бетис; здесь находится город Эбура и храм «Светоносной богини», которую называют также Лукемдубией¹. Несколько дальше — заболоченные места других рек со входами в них во время разливов; далее — река Анас тоже с двумя устьями и с возможностью подниматься вверх по течению; наконец, Священный мыс, отстоящий от Гадейр менее, чем на 2 000 стадий; некоторые полагают, что от Священного мыса до устьев реки Анаса шестьдесят миль; отсюда до устьев Бетиса считают сто миль, от устьев Бетиса до Гадейр семьдесят миль.

Глава вторая

1. Вдоль морского берега по сю сторону реки Анаса лежит Турдетания, по которой протекает река Бетис. Турдетания с запада и севера ограничивается рекою Анасом, с востока некоторыми карпетанскими и оретанскими областями, с юга теми бастетанами, которые занимают узкую прибрежную полосу от Кальпы до Гадейр; остальную часть его границ составляет море до самой реки Анаса. К турдетанам принадлежат, во-первых, бастетаны, упомянутые мною, во-вторых, народ, живущий за рекою Анасом и некоторые другие соседние народы. Величина этой области как в длину, так и в ширину не более двух тысяч стадий; но число городов очень велико: всех их, говорят, двести. Наиболее замечательные из них те, которые расположены при реках, при море или у затопляемых проливами мест, благодаря удобству торговых сношений. Наибольшую славу и могущество приобрели город Кордуба, колония Марцелла, и город Гадитанов. Один из них замечателен мореходством и союзом с римлянами, а другой — богатством и величиной территории, заключающей в себе большую часть бассейна реки Бетиса. С самого начала заселили его отборные римляне и туземцы; этот город был первой колонией римлян, основанной в этой стране. После Кордубы и города Гадитанов третий наиболее замечательный город Гиспалис; он основан тоже римлянами. И теперь еще он является торговым портом; но Бетис, несмотря на небольшое население, превосходит Гиспалис своим значением, благодаря еще тому обстоятельству, что в недавнее время здесь были помещены воины Цезаря.

2. За этими городами следуют Италика и Илипа на Бетисе; гораздо дальше расположены три города: Астига, Кармон и Обулкон. За этими городами следуют те, при которых разбиты были сыновья Помпея, именно: Мунда, Атегва, Урсон, Туккий, Юлия и Эгва; все они находятся недалеко от Кордубы. Некоторого рода метрополию в этой стране представляет

¹ Латинское название: «сомнительный свет».

Мунда; она удалена на тысячу четыреста стадий от Картеи, в которую бежал после поражения Гней (Помпей); отплыв из этого города, он высадился где-то на берегу, защищенном высокими горами, и там был убит. Брат его Секст, спасшись бегством из Кордубы, воевал несколько времени в Иберии и взбунтовал было Сицилию; из Сицилии он поплыл в Азию; схваченный здесь солдатами Антония, кончил жизнь в Мидае (во Фригии). В стране кельтов самый замечательный город Конисторгис, а из городов, расположенных у приморских болот, самый замечательный—Аста, куда обыкновенно собираются гадитанцы, так как их собственный город лежит выше гавани их острова не более, как на сто стадий.

3. Берега реки Бетиса населены чрезвычайно густо. Вверх по этой реке можно проплыть почти на тысячу двести стадий, начиная от моря и кончая городом Кордубою, даже в местности несколько выше. Речное побережье и островки на реке возделаны очень тщательно, и приятное зрелище для глаза представляют насаженные здесь великолепные рощи и разнообразные по своим плодовым растениям сады. Отсюда до города Гиспалиса, что составляет расстояние в пятьсот стадий или немного менее, ходят очень большие корабли; корабли же меньшей величины ходят к городам, расположенным вверх по течению, даже до города Илипы, а до города Кордубы ходят небольшие сколоченные теперь из досок речные суда, которые заменили древние лодки из одного бревна. Выше Кастрола река перестает быть судоходною. Горы, которые тянутся несколькими параллельными хребтами вдоль северного берега реки, то приближаясь к нему, то удаляясь, изобилуют металлами. Серебром особенно богаты окрестности Илипы и Сисапона, как нового, так и старого. Медь и золото добываются возле, так называемых, Котин. Если плыть вверх по реке, то горы остаются по левую руку, а по правую открывается огромная возвышенная равнина, покрытая садами, лесами и пастбищами. Плавание вверх совершается и по реке Анасу, но только на менее нагруженных судах и на меньшем расстоянии. На северном берегу этой реки возвышаются тоже богатые металлами горы; они простираются до реки Тага. Места, изобилующие металлами, как и следует ожидать, отличаются неровностью и бесплодием, таковы, например, местности, прилегающие к Карпетании, и еще более те, которые прилегают к границам кельтиберов. Такова же и Бетурия, сухие и бесплодные равнины которой тянутся вдоль Анаса.

4. Собственно Турдетания изумительно плодородна. Изобилуя множеством и разнообразием продуктов, она удваивает свои богатства сбытом: излишек плодов легко сбывается купцам, которых здесь очень много. Морская торговля ведется успешно, благодаря рекам и болотным заводям, которые, как я сказал, имеют значение рек, потому что по ним можно плавать вверх от моря в города, лежащие внутри материка, не только на малых судах, но и на больших. Большая часть прибрежной полосы, заключенной между (Геракловыми) Столбами и Священным мысом, представляет собою большую равнину. Здесь во многих местах от самого моря вглубь материка тянутся лощины, похожие на долины умеренной величины или на речные русла в несколько стадий длиной. Эти ложбины во время морских приливов наполняются водой, так что по ним можно плыть вверх так же удобно, как и по рекам, если даже не удобнее; в это время плавание по ним совершается так же, как и по рекам, так как ничто не противодействует плаванию, напротив, сила прилива, как течение реки, благоприятствует ему. Морские прибой бьют здесь гораздо сильнее, чем в других местах, потому что вода, устремляясь из обширного моря в узкий проход, который находится между Маврусией и Иберией, на пути своем получает обратные толчки и несется стремительно к выступающим частям материка. Некоторые ложбины во время морских отливов совершенно обнажаются;

другие никогда вполне не осушаются, а в иных помещаются острова. Таковы ложбины между Священным мысом и Столбами, где прибой воды сильнее, чем в других местах. Эти значительные прибои доставляют морякам много выгод, потому что благодаря им заливание ложбин бывает очень велико, часто до..... восьми стадий, и превращают всю береговую полосу в удобное для судоходства пространство, облегчая тем ввоз и вывоз товаров. Но с ними соединены и некоторые важные неудобства: плавание по рекам, в которых прибывающая морская вода противодействует обычному течению реки, угрожает большой опасностью морякам, плывущим как вниз, так и вверх. С другой стороны, отливы в заливаемых местах также не безвредны, потому что отливы, так же как и приливы, стремительны; вода уходит с чрезвычайной скоростью, и потому корабли нередко остаются на мели. Скот, который переходит на острова до наступления времени прилива, во время этих приливов уносится водою или же оказывается отрезанным и, не будучи в силах при всем старании вернуться на берег, при переходе тонет. Однако говорят, что коровы, знакомые уже с этим явлением, остаются на островах и переходят на сушу, только дождавшись отхода воды.

5. Узнав природу этих мест и поняв, что затопления могут быть так же полезны, как и реки, жители построили при них города и разного рода поселения, как и на берегах рек; там основаны города Аста, Набрисса Оноба, Оссоноба, Меноба и много других. Жители этих городов получают сверх того большие выгоды от каналов, которые вырыты на различных местах и которые дают возможность перевозить товары из одних пунктов в другие, как внутри страны, так и за границу. Подобно этому, приносят пользу слияния рек во время больших разливов, заливающих промежуточную между ними землю, образуя водную поверхность, годную для судоходства, так что в это время совершается правильное движение из рек в залитые ложбины и обратно. Вся торговля этой страны ведется с Италией и с Римом. Если не считать некоторых неудобств при проходе пролива, торговый путь до Столбов, равно как и на нашем море, удобен; путь этот идет при благоприятных условиях, особенно для плывущих открытым морем, что важно для грузовых кораблей. Морские ветры дуют здесь правильно; кроме того, и спокойствие, существующее здесь после уничтожения пиратов, обеспечивает моряков от опасности. Впрочем, Посидоний отмечает специально его постигшую неприятность при обратном пути из Иберии: именно на море до Сардинского залива дули непрерывно юго-восточные ветры, вследствие чего он только через три месяца прибыл в Италию, и то с трудом, потому что блуждал около островов Гимнезии, Сардинии и некоторых частей Ливии, обращенных к этим островам.

6. Из Турдетании вывозят хлеб, много вина, а масла не только большое количество, но и превосходное; вывозится также воск, медь, смола, много кошенили и сурика, не уступающего синопскому. Кроме того, турдетаны имеют много туземного леса для постройки морских судов. Богатство состоит еще в минеральной соли; немало у них и речных соляных потоков. Здесь занимаются в больших размерах солением рыбы, которое по качеству не уступает понтийскому, и не только здесь, но и на всей остальной части побережья по ту сторону Столбов. К нам прежде приходило от них много тканей и материй, а в настоящее время шерсть их считается выше коракской (что в Колхиде), и действительно это верх красоты. Поэтому для случки покупают здесь баранов, платя за них по таланту. Самые лучшие ткани те, которые приготавливаются салтигетами. Страна изобилует всевозможного рода животными, как домашними, так и дикими. Вредных животных здесь нет, исключая зайцев, роющих землю; иные называют их кроликами; они портят растения и посевы, изгрызая корни.

Эти животные встречаются почти во всей Иберии, даже до Массалии, не исключая и островов. Рассказывают даже, что однажды жители Гимнезийских островов отправили послов к римлянам с просьбой отвести им новую землю, потому что они вытесняются этими животными, не будучи в состоянии справиться с ними вследствие их чрезмерного количества. В самом деле, необходимо прибегать к подобному средству при такого рода бедствиях, какое, впрочем, бывает не всегда, а только при огромном количестве змей и полевых мышей, являющихся чумою этих мест. Против умеренного количества зайцев устраивают охоты; между прочим, на них пускают диких кошек, которые в изобилии водятся в Ливии; им надевают намордники и посылают в норы, откуда те вытаскивают когтями попавшихся зайцев или выгоняют их наружу; и зайцы попадают в руки расположившихся здесь охотников. Величина и количество судов, на которых вывозятся из Турдетании ее продукты, указывают на обилие их. Действительно, между разнообразными кораблями, которые приходят в Дикеархию и в римскую гавань Остию, самые большие корабли турдетанов; по количеству они почти равняются ливийским.

7. Как ни богаты внутренние области Турдетании, но приморская часть ее едва ли уступит материковой по богатству продуктов, получаемых из моря; всякого рода раковины и улитки во внешнем море вообще, и в особенности здесь, отличаются величиною и многочисленностью, потому что здесь приливы и отливы сильнее, чем в других местах, а это увеличивает объем и число животных: они больше упражняются. То же самое можно сказать о разного рода китах (?), морских единорогах, дельфинах и кашелотах; во время дыхания из них поднимается, если смотреть издали, вид облачного столба. Здесь ловят также морских угрей, которые гораздо больше наших, равно как мурены и прочие морские рыбы. Близ Картеи, говорят, ловятся огромные пурпуровые раковины в десять котлов, а мурены и угри в более отдаленных местах весят более восьмидесяти мин; полип весом в талант, каракатицы в два локтя и т. п. Тунцы, приплывающие сюда с берега внешнего моря в большом количестве, тучны и толсты. Они питаются жолудями, растущими у самого моря на дубе очень низком, но дающем обильные плоды. Это дерево растет часто и на материке Иберии, оно имеет ту особенность, что корни его так же велики, как у настоящего дуба, между тем как по стволу он ниже низкого кустарника; однако и он приносит столько плодов, что после времени их созревания весь берег, как по сю сторону Столбов, так и по ту, покрывается ими во время морских приливов. Впрочем жолуди по сю сторону Столбов всегда мельче и встречаются реже. Полибий говорит, что прилив заносит эти жолуди до латинского берега, если только, прибавляет он, они не заносятся туда из Сардинии и ближе лежащих мест. Тунцы по мере приближения к Столбам из внешнего моря худеют от недостатка пищи. Тунец—нечто вроде морской свиньи; он питается жолудями и замечательно тучнеет от них; по этому обилие желудей ведет за собою обилие тунцов.

8. При таких богатствах этой страны особенно надо указать, да и нельзя не удивляться замечательному обилию в ней металлов. Ими изобилует вся земля иберийцев; зато не вся она одинаково плодородна и благодатна,—наименее именно те части ее, которые изобилуют металлами. Редко страна бывает и богата металлами и, вместе с тем, плодородна; редко также какая-нибудь область на небольшом пространстве изобилует всякого рода металлами. Но Турдетания и соседняя с нею область могут вполне похвалиться и плодородием почвы и обилием металлов. Так, до настоящего времени нигде на земле нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа в таком большом количестве и такого достоинства, как здесь. Золото добывается не только из гор, но и намывным способом: реки и горные

потоки несут золотой песок; его часто находят даже в неорошенных местах, но здесь он не заметен, в местах же орошенных золотой песок блестит; поэтому безводные местности орошаются нарочно проведенной сюда водой для того, чтобы золотой песок блестел. Даже при рытье колодцев и в других подобных работах жители находят золотой песок, из которого посредством промывки получают чистое золото, и теперь имеется здесь больше, так называемых, промывален, чем золотых копей. Галлы считают, что их металлы, добываемые в горе Кеммене и у подошвы Пиренейских гор, наилучшие; однако металлы иберийские всегда считаются выше. Говорят, что иногда в золотом песке находят слитки весом до полуфунта, называемые палами (углями); они требуют лишь небольшой очистки. В расколотых камнях также находят небольшие слитки, похожие на грудные соски.

Из золота, выплавленного и очищенного с помощью квасцовой земли, получается в остатке металл электр; после вторичного вываривания электра, представляющего смесь серебра и золота, серебро сжигается, и остается золото, которое легко плавится и в работе мягко, как масло. Поэтому золото плавят здесь чаще на огне мякины, так как это пламя, более нежное, соответствует мягкому и легко плавящемуся золоту, напротив пламя от углей уничтожает значительную часть металла, потому что благодаря своей силе оно пережигает его и уменьшает. Золотой песок черпают из русла реки, промывают его в близстоящих корытах или же вырывают колодец, где вынутую из реки землю моют. Плавильные печи для серебра строятся высоко с тою целью, чтобы дым от руды поднимался высоко в воздух; дым этот тяжел и вреден для здоровья. Некоторые медные рудники называются золотыми, из чего заключают, что прежде оттуда добывалось золото.

9. Посидоний, восхваляя изобилие и достоинство иберийских металлов, не только не воздерживается от обычных цветов красноречия, но в энтузиазме впадает в преувеличения. Так, например, он не говорит, что не верит той сказке, будто, когда однажды загорелись густые леса, то земля расплавилась, так как содержала серебряную и золотую руду, и будто бы металл вытек на поверхность: ведь по его словам каждая гора там и каждый холм представляют кучи денег, насыпанные щедро судьбою. Одним словом, говорит он, всякий видевший эти местности должен согласиться, что здесь находятся неиссякаемые сокровища природы или неисчислимое казнохранилище какого-нибудь царства. Не только страна богата на поверхности, но богаты и недра ее; и поистине у них в подземном мире обитает не Аид, но Плутон. Так повествует Посидоний в своей образной и пространной речи о тех рудниках, как будто он сам из них черпал свою словообильную речь. Говоря о работе рудокопов, он приводит замечание Деметрия Фалерского, что в аттических серебряных рудниках люди роют землю с таким усердием, как будто они надеются вырыть самого Плутона; потом подобным же образом он рисует прилежание и трудолюбие турдетанов, которые вырывают извилистые и глубокие подземные проходы и часто попадающиеся в рудниках ручьи вычерпывают египетскими винтовыми насосами... Соблазн выгоды у них не таков, как у аттических рудокопов, к горному делу которых прилагается следующая загадка: «что хотели получить, того не получили; что имели—потеряли». Напротив, турдетанам работы эти приносят чрезвычайную прибыль потому, что у тех, кто занимается добыванием меди, четвертую часть вынутой земли составляет медь, а некоторые из занимающихся разработкой серебряных рудников добывают каждые три дня по еврейскому таланту. Что касается олова, то, по словам Посидония, оно встречается не на поверхности земли, как рассказывают историки, но также вырывается. Посидоний прибавляет, что олово есть и у варваров, которые живут выше Лузитании и на Касситеридских остро-

вах; кроме того, оно доставляется в Массалию еще с Британских островов. А у артабров, которые живут на северо-восточном краю Лузитании, по его словам, земля блестит от серебра, олова и белого золота, оно является смесью золота с серебром. Эту землю, насыщенную металлами, приносят реки, и женщины, собрав ее лопатами, очищают через плетеные сита над ящиками. Вот что сообщает Посидоний о горном деле.

10. Полибий, упомянув о серебряных рудниках близ Нового Карфагена, говорит, что это—самые большие рудники и что от города отстоят они на двадцать стадий; они занимают место, имеющее в окружности четырехста стадий. Там живет сорок тысяч рабочего народа, который в то время платил римлянам ежедневно двадцать пять тысяч драхм. Я умалчиваю о других способах обработки металла,—это было бы слишком длинно; но, по словам Полибия, комки серебра, вымытого из песка, сначала разбивают и промывают в воде через сита, осадок снова, слив воду, толкут. Только пятый остаток плавится и дает по отделении свинца чистое серебро. Еще и теперь существуют серебряные рудники; но ни здесь, ни в других местах они не принадлежат уже более государству, а составляют частную собственность. Золотые рудники, напротив, большей частью принадлежат государству. В Касталоне и в других местностях есть особые копи свинца; в смеси с ним находится небольшое количество серебра, но такое, что отделять его нет никакой выгоды.

11. Недалеко от Касталона есть даже гора, с которой течет река Бетис и которую называют «Серебряною», благодаря находящимся в ней серебряным рудам. Полибий утверждает, что Бетис и Анас берут свое начало в Кельтиберии, протекая одна от другой на расстоянии девятисот стадий. Кельтиберы, достигнув могущества, дали всей соседней стране свое имя. Древние, как кажется, называли Бетис Тартессом, а Гадейры со всеми соседними островами Эрифией. Вот почему, полагают, Стезихор так говорил о пастухе быков Герионе: будто он родился «почти что напротив славной Эрифии, недалеко от бездонных богатых серебром источников Тартесса, в глубокой пещере». Так как Бетис впадает в море двумя устьями, то, говорят, что между ними находился некогда город, называвшийся Тартессом по имени реки, а Тартессидою называлась та страна, которую теперь населяют турдулы. Эратосфен говорит, что страна, прилегающая к Кальпиде, называется Тартессидою, и что Эрифия—остров блаженных. Но Артемидор, опровергая это, говорит, что Эратосфен ошибается в этом, равно как и в том, будто бы Священный мыс отстоит от Гадейр на пять дней пути по морю, между тем как расстояние это не больше тысячи семисот стадий. Неверно и то, будто там оканчиваются приливы и отливы, потому что они имеют место кругом всей обитаемой земли. Ложно и то, будто обращенные к северу части Иберии представляют путь в Кельтику более легкий, чем если плыть по Океану. Многие и другое он сообщает со слов Пифеаса, поверив ему.

12. Поэт столь плодовитый и много знающий (Гомер) дает повод думать, что он слышал и об этих местах, если только мы пожелаем правильно сделать заключение из обоих его сообщений, из которых одно неверно, а другое хорошо и верно. Ложное свидетельство состоит в том, будто Тартесс лежит на крайнем западе, где, по словам же Гомера, в Океан «пало яркое солнца светило, в черную ночь облакая всю многоплодную землю» (Ил., VIII, 485).

Из того, что ночь пользуется дурной славой и находится подле Аида, а Аид подле Тартара, можно предположить, что Гомер, узнав о Тартессе, произвел от него название Тартара, как самого отдаленного подземного пункта, и сложил миф по обычаю поэтов, подобно тому как, узнав, что киммерийцы заселяют местности у Боспора с севера и запада, он поместил их подле Аида, быть может, вследствие общей всем ионянам ненависти

к этому племени; ведь во время Гомера или немного раньше киммерийцы, как говорят, совершали вторжения в Азию до Эолиды и Ионии. Далее, он сложил сказание о скалах Планктах, наподобие Кианейских, постоянно создавая эти сказочные мифы на основании каких-либо подлинных данных. В самом деле, он передает, что есть какие-то опасные скалы, о которых рассказывают, будто они в роде Кианейских, почему и называются Симплегадами, и что будто бы и Язон направлял через них свой путь. И пролив у (Геркулесовых) Столбов, и другой у берегов Сицилии подали ему повод к вымыслу сказания о Планктах; таким образом, по ложности сказаний о Тартаре можно заключить о степени знания Гомером окрестностей Тартесса.

13. Другое заключение можно сделать из следующих более правильных свидетельств: как странствования Геракла, простиравшиеся до этих стран, так и походы финикийян указывали Гомеру на богатство и роскошь здешних народов. Народы эти находились под владичеством финикийян до такой степени, что еще и теперь большая часть городов Гурдетании и соседних с нею областей заселены финикийцами. Мне кажется, что путешествие Одиссея, которое простиралось до этих мест и было рассказано Гомером, подало последнему повод перенести из сферы истории в область поэзии и обычного поэтам вымысла как Одиссею, так и Илиаду. Не только Италия, Сицилия и некоторые другие подобные им страны дают свидетельства об этом событии, но в Иберии еще и теперь существуют город Одиссея, храм Афины и многие другие следы странствований Одиссея и других героев, уцелевших после троянской войны, от которой одинаково потерпели и победившие и покорители Трои. Эти последние одержали «Надмону победу»¹, так как их состояние дома погибло, а военная добыча каждому досталась незначительная. Таким образом, люди, оставшиеся в живых, выйдя из опасностей (как троянцы, так и эллины) обратились к морским разбоям; первые доведены были до этого разорением, а вторые стыдом, так как каждый из них рассуждал: «стыдно и медлить так долго» без своих близких «и в дом возвратиться с пустыми руками» (Ил., II, 298). Существуют также предания о странствованиях Энея, Антенора и генетов, равно как Диомеда, Менелая, Менесфея и многих других. Итак, поэт, узнавши о многих путешествиях к крайним пределам Иберии, узнав о богатстве и о других достоинствах страны, — финикийяне открыли это, — поместил здесь страну блаженных и Елисейские поля, куда, по словам Протея, предстояло отправиться Менелая:

«Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
 Послан богами, туда, где живет Радаманф златовласый,
 Где пробегают светло беспечальные дни человека, †
 Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
 Где сладкошумно летающий веет зифир, Океаном
 С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным».

(Одиссея, IV, 563).

Действительно, стране этой свойственны прекрасный климат и тихо дующий зефир, потому что она тепла и лежит на западе; расположена она на краю земли, где, как мы говорим, помещался, согласно сказаниям, Аид, и помещенный здесь Радаманф как бы свидетельствует о близости этого места к Миносу, о котором Гомер говорит:

«Там увидал я Миноса, славного Зевсова сына;
 Скипетр в руке он держал золотой, разбирая тяжбы умерших».

(Одиссея, IX, 568).

¹ Поговорка в смысле «себе в ущерб» — ср. более позднее выражение «Пиррова победа».

И позднейшие поэты сочиняют подобные же рассказы: поход за стадами Гериона, за золотыми яблоками Гесперид, упоминают о каких-то островах блаженных, о которых, как мы знаем, существуют указания еще и теперь, что они лежат не очень далеко от берегов Маврусии, против Гадейр.

14. Я утверждаю, что обо всем этом сообщали финикияне; они и до времени Гомера завладели лучшими частями Иберии и Ливии и продолжали владеть ими до тех пор, пока римляне не положили конца их господству. Свидетельством богатства иберийцев может служить еще то обстоятельство, что карфагеняне, как об этом согласно говорят все писатели, двинувшись сюда походом под предводительством Барки, нашли у турдетанов в употреблении серебряные чаши и бочки. Можно даже полагать, что здешние жители, и особенно их правители, названы долговечными благодаря их высокому благополучию и что именно вследствие этого Анакреонт так говорит:

«Не пожелал бы я ни рога Амалфии, ни лет полутораста, чтоб царствовать в Тартессе».

Геродот упоминает даже имя их царя, называя его Аргантоном [поэтому Анакреонт, говоря: «Я бы не пожелал долго царствовать в Тартессе», имел в виду или собственно Аргантона, или высказывался в общем смысле. Некоторые под Тартессом разумеют нынешнюю Картею].

15. С богатством страны соединяются мягкие нравы и общительность турдетанов, что замечается и у кельтов, хотя в меньшей мере, так как они живут по деревням; причина этого—соседство турдетанов или, как полагает Посидоний, родство с ними. Турдетаны вообще, а в особенности живущие по берегам Бетиса, совершенно усвоили римский образ жизни, забыв даже свой родной язык; большинство их сделалось «латинянами»; они приняли к себе римских колонистов, так что почти совсем обратились в римлян. Существование и ныне таких городов, как Паксавгуста у кельтов, Августа Гемерита у турдулов, Кесаравгуста у кельтиберов и некоторые другие поселения, указывает на изменение политических учреждений названных народов. Все иберийцы, живущие по-римски, называются «тогатами»; между ними есть и кельтиберы, некогда считавшиеся самым диким племенем. Вот что я сообщаю о Турдетании.

Глава третья

1. Если за исходную точку возьмем снова Священный мыс и отправимся по другой стороне морского берега до Тага, то сначала встретим залив, потом мыс Барбарий с высокою башнею и недалеко устья Тага, до которых прямым путем считается десять стадий. Тут находятся топи; одна из них лежит на расстоянии более четырехсот стадий от вышеупомянутой башни; из этой топи пользуются в запас водой, если где есть цистерны. Устье Тага имеет в ширину около двадцати стадий, а глубина реки так велика, что по ней могут плыть вверх большие товарные суда. Во время приливов Таг образует две топи и в вышележащих равнинах, так что затопляется пространство почти в сто пятьдесят стадий, и равнина делается удобною для судоходства. Верхняя топь захватывает и островок, имеющий тридцать стадий в длину и немного меньше в ширину, покрытый прекрасными рощами и виноградниками. Этот остров лежит подле города Морона, хорошо расположенного на горе близ реки и отстоящего от моря почти на пятьсот стадий; город имеет в окрестностях прекрасную землю и удобные водные пути далеко вверх по реке даже для больших судов, а в дальнейшем для речных лодок. Выше Морона существует еще более длинный путь. Брут, по прозванию Каллаик, пользовался этим городом

как пунктом отправления для военных действий, когда вел войну с лузитанами и покорил их. На берегах реки он укрепил город Олисион, чтобы иметь свободными водные пути вглубь страны для доставки припасов; таким образом, из городов, лежащих при Таге, эти считаются самыми сильными. Река изобилует рыбой и полна устриц. Она берет начало в стране кельтиберов и направляется через страны веттонов, карпетанов и лузитан к юго-западу; на некотором расстоянии она течет параллельно рекам Анасу и Бетису, а потом отклоняется от них, так как они уходят к южному берегу.

2. Из народов, живущих севернее упомянутых мест, оретаны южнее всех, отчасти достигают даже морского берега по сю сторону Столбов. К северу от них живут карпетаны, потом веттоны и ваккеи, через область которых протекает река Дурий, переходимая у города ваккеев Акутеи. Далее, последними живут каллаики, занимающие большую часть горного хребта, вследствие чего покорение их было очень трудно; завоевателю Лузитании они дали прозвание Каллаика; благодаря этому и теперь еще большая часть лузитан называется каллаиками. Сильнейшие города Оретании: Кастулон, [или Касталон] и Ория.

3. Из областей лежащих к северу от Тага, Лузитания—самая большая и важная из занятых иберийскими племенами и дольше всех сопротивлявшаяся римлянам. Южную границу этой области составляет река Таг, западную и северную—океан, восточную—карпетаны, веттоны, ваккеи и каллаики— всё народы известные. О других племенах не стоит упоминать по их незначительности и малоизвестности; некоторые историки, впрочем, несогласны с тем, что я сейчас сказал, и называют их лузитанами. Соседями астурийцев и кельтиберов с восточной стороны оказываются каллаики, а прочие народы граничат только с кельтиберами. В длину Лузитания имеет тринадцать тысяч стадий, а в ширину гораздо меньше; ширину представляет восточная граница до противоположного морского берега. Восточный край высок и суров, а вся нижележащая местность, за исключением нескольких незначительных гор,—равнина, простирающаяся до самого моря. Поэтому, Аристотель, по словам Посидония, ошибочно приписывал причину приливов и отливов свойствам этого берега [и Маврусийского], говоря, что в море происходит то прилив, то отлив благодаря высоким скалистым берегам, сурово принимающим морские волны и отбрасывающим их (к противоположному берегу), напротив, как справедливо замечает Посидоний, берега здесь большей частью песчаны и низки.

4. Лузитания, о которой мы говорим, богата и изрезана большими и малыми реками, которые все вытекают из восточных частей страны и параллельны реке Тагу. Большая часть рек судоходна и содержит в себе очень много золотого песка. Наиболее замечательные после Тага реки Мунда и Вакуя—судоходные, впрочем, только на небольшом расстоянии. За ними следует Дурий, вытекающий издалека, идущий мимо Нуманции и многих других городов, населенных кельтиберами и ваккеями. Дурий судоходен даже для больших судов почти на протяжении восьмисот стадий. Потом следуют другие реки, а за ними Лета, которую одни называют Лимеей, а другие Белионом. И она течет из области кельтиберов и ваккеев. За нею следует Бенис, другие называют его Минием,—самая большая из лузитанских рек; также и она судоходна вверх на протяжении восьмисот стадий. Посидоний, однако, утверждает, что река эта вытекает из области кантабров; перед устьем ее лежит остров и две выдающиеся дамбы, образующие удобную корабельную пристань. Достойны похвалы свойства этих рек, потому что они имеют высокие берега, которые могут принять в свое ложе море во время приливов, поэтому вода никогда не выходит из берегов и не затопляет равнин. Этот Бенис служил пределом

военных походов Брута. Далее течет много других рек параллельно упомянутым.

5. Крайние из лузитан, артабры, живут в окрестностях мыса Нерия, который составляет оконечность западной и северной стороны. Около него живут [также] кельты, родственные с племенем, обитающим вдоль реки Анаса. Рассказывают, что эти последние, сделав туда вместе с турдулами набег, после перехода через реку Лимею произвели междоусобие; когда в ссоре присоединилась еще потеря предводителя, то они, рассеявшись в разные стороны, остались здесь, вследствие чего и река Лимея названа была Летой (рекой Забвения). Артабры имеют много городов, которые расположены у залива; плавающие в этих местах и пользующиеся этой гаванью моряки называют залив гаванью артабров. В наше время артабры называются аротребами. Всех народов, которые заселяют страну между Тагом и артабрами, насчитывают до тридцати. Хотя эта область богата плодами, скотом, изобилует золотом, серебром и другими подобными предметами, однако большинство лузитанцев не захотело добывать средства к жизни из земли, а проводило жизнь в грабежах и непрерывных войнах как между собою, так и с соседями, живущими за рекой Тагом, пока, наконец, римляне не прекратили их набегов, покорив их, и не обратили большую часть городов их в деревни; зато некоторые города были заселены ими лучше прежнего. Вероятно, виновниками этих беззаконий были горцы; живя в стране скудной, обладая ничтожными средствами к жизни, они стремились овладеть чужим; те же, которые подвергались нападениям, в силу необходимости вынуждены были оставлять собственные дела, так что и они, вместо того, чтобы обрабатывать землю, стали вести войны; таким образом, страна, оставаясь без ухода и лишенная собственных продуктов, заселялась только разбойниками.

6. Говорят, что лузитанцы искусны в преследовании и в разведывании, подвижны, легки, очень быстро меняют свой боевой строй. Они вооружены небольшим, фута два в диаметре, щитом, выгнутым вперед и висящим на ремне, так как он не имеет ни поручней, ни рукоятки... кроме этого (вооружения они) имеют нож или меч. Большинство носит полотняные панцыри; только немногие имеют кольчуги и треугольные шлемы из железных колец с тремя гребнями, все же прочие носят шлемы из ремней. Пешие воины носят поножи; каждый имеет с собою много дротиков, а некоторые вооружены копьями с медными наконечниками. Рассказывают, что часть населения, живущего у реки Дурия, ведет лаконский образ жизни; они дважды натирают себя маслом, ходят в бани, нагреваемые раскаленными камнями, моются в холодных водах, едят раз в день, их пища—простая и здоровая. Лузитанцы любят приносить жертвы, гадают по внутренностям животных, не взрезывая их; они рассматривают также жилы в груди и гадают, ощупывая их. Они производят гадания и по внутренностям людей, употребляя для этого пленников, которых предварительно закутывают в плащ, потом жрец-гадатель наносит пленнику смертельный удар во внутренности; тогда гадают, прежде всего по падению тела убитого. Отрубленные правые руки убитых посвящаются богам.

7. Все горцы отличаются простотою жизни, пьют воду, спят на голой земле и, подобно женщинам, носят очень длинные волосы; во время сражения они на лоб надевают повязку. Козье мясо они любят больше всего, и Аресу приносят в жертву козла, а также пленников и лошадей. По обычаю греков, они устраивают всякого рода гекатомбы, как говорит и Пиндар: «Всего по сту приносится в жертву». Горцы устраивают, кроме того, гимнастические состязания, в тяжелом вооружении и на лошадях, состязаются в кулачном бою, в беге, в борьбе и в сражении отрядами. В течение

двух частей года они питаются одними дубовыми жолудями, из которых приготавливают себе хлеб, высушив их и смолов; хлеб этот сохраняется долго. Они употребляют также ячменное пиво, а вино у них бывает редко; если бывает вино, то его быстро выпивают на пиру с родственниками. Вместо оливкового масла они употребляют коровье. Едят они, сидя на скамейках, устроенных вдоль стен, садятся по возрасту и по достоинству; пища обносится кругом. Как и кельты, они употребляют деревянные чашки. На пирушках под звуки флейт и труб танцуют, причем подсакивают и приседают. В Бастетании женщины танцуют вместе с мужчинами, взявшись за руки. Все одеваются в черное; большая часть носит плащи, в которых и спят на постелях из сухой травы; женщины же носят цветные платья. Живущие в глубине страны заменяют употребление денег меною или же дают за товар отрубленную серебряную пластину. Осужденных на смерть они бросают со скалы, а отцеубийц побивают камнями вне своих пределов. Брак у них совершается так же, как у греков. Больные, что было и у древних ассирийцев, выносятся на улицы для того, чтобы получить совет от лиц, знающих болезнь по собственному опыту. До Брута жители страны употребляли кожаные лодки во время наводнений и на болотах; теперь же даже однодеревки у них редки. Соль здесь темнокрасного цвета, а растертая делается белою. Таков образ жизни горцев; я разумею тех, которые занимают северную границу Иберии: каллаиков, астуриков и кантабров, живущих до пределов васконов и гор Пиренейских; образ жизни всех этих народов одинаков. Увеличивать число имен не желаю, избегая скучного начертания их, тем более, что никому не будет приятно слышать названия плевтавров, бардиетов, аллотригов и другие их имена, еще более скверно звучащие и непонятные.

8. Дикость и суровость этих народов—следствие не только войн, но и отдаленного их положения; морской путь к ним длинный, равно как и сухопутные дороги; вследствие недостатка сношений, они потеряли обходительность и приветливость. Впрочем, в настоящее время народы эти меньше прежнего страдают подобными недостатками, благодаря миру и присутствию римлян; но те, которых влияние Рима коснулось меньше, более дики и суровы. Дикость усиливается еще неплодородием их почвы и суровостью гор. Теперь, однако, как я сказал, войны кончились везде, потому что даже кантабры, которые еще в наше время дольше всех занимались разбоями, покорены, наконец, кесарем Августом вместе с соседями, и теперь вместо того, чтобы грабить римских союзников, они сражаются за римлян, равно как кониаки и плентуисы, живущие у истоков Ибера. Тиберий, наследовавший Августу, поставил в тех областях гарнизон из трех легионов, благодаря чему жители их сделались не только мирными, но некоторые даже цивилизованными.

Глава четвертая

1. Остальная часть берега Иберии с нашей стороны от Столбов до Пиренеев и вся внутренняя часть материка, расположенная южнее этого хребта, имеют ширину неодинаковую, а в длину немного более четырех тысяч стадий; но длина берега считается еще больше на две тысячи стадий,— даже говорят, что от горы Кальпы у Столбов до Нового Карфагена две тысячи двести стадий. Эта прибрежная полоса заселена бастетанами, которых называют также бастулами, и отчасти оретанами. От Нового Карфагена до реки Ибера идет другая полоса, почти такой же длины, заселенная эдетанами. От Ибера до Пиренеев и памятника Помпея считается тысяча шестьсот стадий; здесь живет немного эдетанов и, так называемые, индикаты, разделенные на четыре части.

2. Если мы начнем изложение по частям от Кальпы, то прежде всего встречается нам горный хребет, простирающийся через Бастетанию и область оретанов, покрытый густым и высоким лесом и отделяющий берег от материка. Во многих местах горной цепи находятся рудники золота и других металлов. Первый город на этом берегу—Малака, отстоящий от Кальпы настолько же, насколько и Гадейры; он служит рынком для кочевых народов, живущих по ту сторону, и имеет большие запасы соленой рыбы. Некоторые смешивают этот город с Майнакою, которую мы считаем западнее всех фокейских городов; но это неправда. Майнака, теперь уже разрушенная, сохранившая следы греческого происхождения, находится гораздо дальше от Кальпы, чем Малака, которая ближе и имеет вид финикийского города. Затем по порядку следует город экситанов, от которого получила название соленая рыба.

3. За этим городом следует Абдера, основанная также финикийцами. Выше этих мест на горе показывают город Одиссею и в нем храм Афины, как свидетельствуют Посидоний, Артемидор и Асклепиад из Мирлеи, преподававший в Турдетании и издавший описание живших там племен. Он замечает, что в храме Афины прибиты в качестве памятников одиссеевых странствований щиты и украшения с носов кораблей. Среди каллиаков, прибавляет он, поселилась часть военных спутников Тевкра; будто бы там же было два города, из которых один назывался Эллинами, а другой Амфилохами, потому что там умер Амфилох, а его спутники проникли даже вглубь материка. Асклепиад, кроме того, говорит, что, по сказаниям, в Иберии поселились некоторые из спутников Геракла и выходцы из Месении, а часть Кантабрии была занята лаконянами, в чем соглашаются с ним и другие писатели. Рассказывают, что здесь находился город Окелла, основанный Океллою, который вместе с Антенором и детьми его переселился в Италию. В Ливии некоторые верят рассказам гадейратских купцов, что, впрочем, передает и Артемидор, будто народы, живущие по ту сторону Маврусии, в соседстве с западными эфиопами, называются лотофагами, потому что они едят лотос, какую-то траву и корень, причем они не нуждаются в питье, да и не имеют его по недостатку воды. Они простираются до стран на север от Кирены. Впрочем, называется лотофагами и тот народ, который занимает один из двух островов, лежащих перед Малым Сиртом, Менинг.

4. Никто не должен удивляться тому способу, по которому поэт составил свое сказание о похождениях Одиссея, так что большую часть сообщаемых им о герое событий можно отнести к Атлантическому морю вне «Столбов»,—ведь то, что стало известным из позднейших устных рассказов, очень похоже на места и на прочие обстоятельства, вымышленные поэтом, так что вымысел Гомера делался правдоподобным; не должно удивляться также тому, что иные, доверяя этим историческим рассказам, равно как и всестороннему знанию поэта, обратили поэзию Гомера также в средство разрешать научные вопросы, как поступал Кратес Маллотский и некоторые другие. А иные так грубо поняли эту попытку, что не только его самого, как какого-нибудь землекопа или жнеца, объявили не имеющим всяких подобных знаний, но даже считали безумными тех, кто с такими вопросами подходил к этим произведениям. При этом никто из грамматиков, и вообще из ученых, не решался защищать мнения таких лиц или поправлять их или сделать по отношению к сказанному ими что-нибудь подобное. Мне, однако, кажется, что можно многие из этих мнений защитить, другие исправить, и в особенности относительно того, в чем Пифеас обманул многих, поверивших ему по незнанию западных и северных стран, омываемых Океаном. Но оставим этот вопрос, требующий особого и продолжительного исследования.

5. Что касается странствований эллинов среди варварских народов, то причину этого можно находить в том, что последние были разделены на незначительные части и общины, не состоявшие во взаимной связи вследствие кичливости каждого из них, почему они и были бессильны против внешних врагов. Эта самоуверенность была тем сильнее у иберийцев, что они от природы соединяли с нею коварство и замкнутость; засады и грабежи были их ремеслом. Дерзая только на малое, они не отваживались на что-либо важное, потому что никогда не собирали ни больших военных сил, ни заключали союзов. Если бы они пожелали помочь друг другу, то карфагенянам не удалось бы так легко покорить большую часть их страны, а раньше этого—тирийцам, потом кельтам, которые называются теперь кельтиберами и беронами. Равным образом, не удалась бы впоследствии попытка разбойника, вождя партизан Вириата, или Сертория, или других подобных лиц, стремившихся к верховной власти. Сами римляне, которые, благодаря такому их устройству, обыкновенно только по частям одолевали иберов, потеряли много времени в постепенном завоевании иберийских областей, пока, наконец, после почти двухсот и даже более лет они не подчинили своей власти всех народов Иберии. Но я возвращаюсь к описанию Иберии.

6. За Абдерою следует Новый Карфаген, основанный Гасдрубалом, преемником Барки, отца Ганнибала; это был наиболее сильный из всех городов на этом берегу. Хорошо укрепленный самою природою, город обведен, кроме того, прекрасною стеною, имеет гавань, озеро, богатые серебряные рудники, о которых мы уже говорили; кроме того, и здесь и в соседних местах есть много заведений для соления рыбы. Вообще, это важнейший рынок для товаров, приходящих с моря для жителей материка, равно как и для всех приходящих с материка для торговли с иноземными купцами. Почти посредине морского берега между Новым Карфагеном и рекою Ибером вливается в море река Сукрон, при устье которой находится город того же имени. Река эта берет начало из горы, которая соединяется с хребтом, возвышающимся над Малакою и окрестностями Карфагена; эта река, переходимая в брод, кое-где параллельна Иберу и немного менее удалена от Карфагена, чем от Ибера. Между Сукроном и Карфагеном недалеко от реки лежат три городка массалиотов; самый замечательный из них, Гемероскопий, имеет на мысу высокочтимый храм Артемиды эфесской. Храмом этим воспользовался Серторий, как центральным пунктом военных действий на море, потому что он укреплен самою природою, удобно расположен для грабежа и заметен издали; называется он Дианием, всё равно как бы Артемизием, а неподалеку от него имеются прекрасные железные рудники, два островка, Планезия и Плумбария, и лагуна, которая имеет в окружности четыреста стадий. Далее следует, уж перед Карфагеном, остров Геракла, который называется Скомбарией («остров скумбрий») от ловимых здесь макрелей; из соленой рыбы приготовляется превосходный соус. Остров отстоит от Карфагена только на двадцать четыре стадии. Затем, если, перейдя Сукрон, идти к устью реки Ибера, встретим город Сагунт, колонию жителей Закинфа; разрушение его Ганнибалом, вопреки договору с римлянами, подало повод римлянам начать вторую войну с карфагенянами. Далее, близ Сагунта находятся города Херсонес, Оластр и Карталия; у самого перехода через реку Ибер лежит поселение Дергосса. Ибер берет начало в области кантабров и течет к югу по обширной равнине параллельно Пиренейским горам.

7. Между поворотом Ибера и оконечностью Пиренейского хребта, на котором сооружен памятник Помпея, встречается первым город Таракон, хотя без гавани, но построенный у бухты и имеющий много других удобств; теперь он населен не менее Карфагена; он имеет удобное место-

положение для резиденции наместника, служит, главным образом, как бы столицей не только области по сю сторону Ибера, но и большей части лежащей по ту сторону реки. Близко перед городом лежат замечательные острова Гимнезийские и Эбис, что также указывает на удобство местоположения города. Эратосфен утверждает, что город имеет корабельную пристань, между тем как, по словам Артемидора, возражающего ему, он лишен даже удовлетворительной стоянки для кораблей.

8. Вообще весь берег от Столбов до только что упомянутых пунктов не имеет гаваней; зато, начиная отсюда, берег изобилует ими. Страна леетанов, лартолеитов и других народов до Эмпория имеет прекрасную почву; Эмпорий, основанный массалиотами, отстоит от Пиренеев и от границ Иберии с Кельтикой почти на четыреста стадий; вся его область обладает прекрасной почвой и хорошими гаванями. Там есть городок Рода, основанный эмпорийцами или, по мнению других, родосцами; здесь так же, как и в Эмпории, чтут Артемиду эфесскую; причину этого мы объясним, когда будем говорить о Массалии. Прежде эмпорийцы жили на том небольшом противоположном островке, который теперь называется старым городом; в наше время они живут на материке. Город разделен стеною на две части, потому что некогда рядом с эмпорийцами жили индикеты, которые, хотя и имели собственное правление, пожелали оградить себя общею стеною с эллинами для безопасности [но проведя посредине стену, сделали этот город двойным]; со временем оба народа образовали одну политическую общину на основании варварских и эллинских законоположений, что происходило и во многих других местах.

9. Недалеко от Эмпория протекает река, берущая начало из Пиренеев, устье которой служит для эмпоритов гаванью. Эмпориты—искусные ткачи холста. Внутренность страны, которую они владеют, в одних частях имеет прекрасную почву, в других поросла дроком, ни на что негодным болотным ситником. Эту часть страны они называют Юнкарийской («тростниковой») равниной. Некоторые из эмпоритов занимают также часть горных вершин Пиренеев до памятника Помпея, через которую переходят из Италии в, так называемую, Иберию по ту сторону и преимущественно в Бетику. Путь этот то приближается к морю, то удаляется от него, особенно в западных частях. Он направляется к Таракону от памятника Помпея через Юнкарийскую равнину, через землю ветеров и через равнину, называемую на латинском языке Марафонскою, так как на ней растет много укропу («марафон»); от Таракона путь направляется к переходу через Ибер подле города Дертоссы, а отсюда, пройдя через Сагунт и город Сетабий, он немного отклоняется от моря и касается равнины спартарийской, или, так называемой, Схойнунтской. Равнина обширна, безводна, производит много годного для плетения дроку (схойнос); последний вывозится всюду, но преимущественно в Италию. Прежде путь шел через середину равнины, мимо Эгеласты, длинный и тяжелый; теперь его проложили ближе к берегу, так что он только касается Схойнунта и тянется в одном направлении с прежним до Кастлона и Обулкона, через которые путь продолжается на Кардубу и Гадейры, значительнейшие торговые пункты страны. Обулкон удален от Кардубы почти на 300 стадий. Историки говорят, что Цезарь употребил 27 дней для прибытия из Рима в Обулкон, где находился его лагерь, когда он собирался дать битву при Мунде.

10. Таков весь берег от Столбов до границы между иберами и кельтами. Страна, лежащая над ним,—я имею в виду ту, которая расположена между Пиренейскими горами и северною границею Иберии до астуров,—разделяется двумя цепями гор. Одна, параллельная Пиренеям, начинается в области кандабров и оканчивается у нашего моря; ее называют Идубедою; другая

начинается посредине Иберии и, направляясь к западу, отклоняется на юг и к морскому берегу, идущему от Столбов. В начале холмистая и обнаженная, эта цепь проходит через, так называемую, Спартарийскую равнину, потом соединяется с густым лесом, тянущимся над областью Карфагена, и с окрестностями Малаки; она называется Ороспедою. Между Пиренеями и Идубедой протекает река Ибер параллельно обеим цепям гор; наполняется он реками, текущими из этих гор, и другими водами. При Ибере находится, так называемый, город Кесаравгуста и поселение Кельса, где переходят реку по каменному мосту. Эта страна населена разнообразными племенами; замечательнейшее из них племя яккетанов. Начинаясь у подошвы Пиренеев, оно распространяется по равнинам и соприкасается с местностями подле Илерды и Оски, а также с илергетами, живущими не очень далеко от Ибера. В пределах этих городов, а потом в городе васконов Калагуре и на прибрежной полосе Тараконы и Гемероскопия Серторий давал последние битвы после того, как был вытеснен из области кельтиберов; умер же он в Оске. Позже, при Илерде, были разбиты боже-ственным Цезарем полководцы Помпея, Афраний и Петрей. Если идти на запад, то Илерда отстоит от Ибера на сто шестьдесят стадий, от Таракона к югу на четыре тысячи шестьсот стадий, а от Оски к северу на пятьсот сорок стадий. Через эти части Иберии идет путь от Таракона к крайним живущим у океана васконам, близ Помпелона, и к городу Ойасону, лежащему при том же Океане; путь этот тянется до самых границ Аквитании и Иберии на две тысячи четыреста стадий. Яккетаны—то самое племя, в области которого Серторий вел войну с Помпеем, а потом Секст, сын Помпея, с полководцами Цезаря. За Яккетанией к северу живет племя васконов, у которых есть город Помпелон, название, похожее на Помпейополь.

11. Иберийская сторона Пиренеев изобилует высокими вечнозелеными лесами разнообразной породы, а сторона кельтская обнажена; средняя часть горной цепи заключает в себе долины, очень удобные для жительства. Большею частью этих долин владеют керетаны, народ иберийского племени; они готовят превосходные окорока, конкурирующие с кантабрийскими и доставляющие жителям значительный доход.

12. Перейдя через Идубеду, мы тотчас видим обширную и не одинаковую по своей природе Кельтиберию. Большая часть ее сурова и переполнена реками. По этим местам текут реки Анас и Таг, а за ними многие другие, начинающиеся в [Кельт]Иберии и направляющиеся в западное море. Из них Дурий протекает мимо Нуманции и Сергунции, а Бетис берет начало в Ороспедо, протекает через Оретанию и входит в Бетику. По соседству с северными кельтиберами живут бероны, с ними граничат кантабры конисские, также происшедшие от войска кельтов; они имеют город Варию, лежащий у переправы через Ибер; живут они рядом с бардиетами, которых называют теперь бардулами. По соседству с западной частью Кельтиберии живет часть астуриков, каллаиков, ваккеев, а также веттонов и карпетанов; с южной стороны живут оретаны, а также бастетаны и эдетаны, населяющие Ороспеду. С востока лежит Идубеда.

13. Из самих кельтиберов, разделяющихся на четыре части, наиболее сильные аруаки, населяющие восточные и южные области и соприкасающиеся с карпетанами и с истоками Тага. Замечательнейшим из их городов является Нуманция. Нумантинцы обнаружили большую храбрость в кельтиберийской двадцатилетней войне с римлянами; здесь погибло много предводителей вместе с войском, в конце концов нумантинцы упорно выдерживали осаду, за исключением немногих, которые и предали город неприятелям. Лусоны живут также на востоке и также касаются источников Тага. Города Сегеда и Палланция принадлежат аруакам. Нуманция отстоит от Кесаравгусты, расположенной, как мы сказали, при Ибере, почти

на восемьсот стадий. Города Сегобрига и Бильбилий, подле которых Метелл вел войну с Серторием, также принадлежат кельтиберам. Полибий, исчисляя племена и местности ваккеев и кельтиберов, упоминает, кроме других городов, Сегесим и Интеркацию. По словам Посидония, Марк Марцелл получил от Кельтиберии налог шестьсот талантов, из чего можно заключить, что кельтиберов было очень много и что они имели большие средства, хотя и занимали бесплодную страну. Но Посидоний смеется над заявлением Полибия, будто Тиберий Гракх разрушил триста городов в Кельтиберии, и говорит, что Полибий хотел польстить Гракху, называя городами сторожевые башни совершенно так же, как это бывает в триумфальных шествиях, и, повидимому, он говорит это не без основания, потому что полководцы и историки легко впадают в преувеличения, желая приукрасить подвиги; так, когда писатели утверждают, что иберийских городов было более тысячи, то мне кажется, что они впадают в ошибку, принимая большие деревни за города. Ибо самая природа страны не допускает большого числа городов, вследствие бесплодия почвы, отдаленности и суровости климата. С другой стороны, самый образ жизни и занятия жителей, кроме тех, которые живут на берегу нашего моря,—не позволяют предполагать ничего подобного: деревенские жители совершенно дики, а в большинстве иберийцы именно таковы; сами города не легко их цивилизуют, всякий раз, когда в городах получается перевес большинства из этих обитателей лесов во вред их ближайшим соседям.

14. За кельтиберами к югу живут обитатели горы Ороспеды, а страну, лежащую вокруг реки Сукрона до Карфагена, населяют эдетаны, бастетаны и, наконец, почти до Малаки оретаны.

15. Почти все иберийцы были пелтастами (легковооруженная пехота); вооружены они легко ввиду их жизни разбоем, как и лузитаны, которых мы описали, дротиками, пращами и мечами; к пешим войскам присоединялась и конница; лошади их были приучены ходить по горам и легко сгибать колени по приказанию, в случае надобности. В Иберии водится много серн и диких лошадей. Кое-где попадающиеся здесь озера изобилуют птицами, именно лебедями и другими птицами подобного рода; много тоже драхв; в реках водятся бобры, жир которых не имеет такой силы, как жир понтийских бобров, отличающийся целебными свойствами, подобно некоторым другим предметам, как, например, кипрской меди; ведь, по словам Посидония, она одна только дает камень кадмий¹, купорос и шлак. Как на особенность Иберии Посидоний указывает, что вороны здесь черные и что лошади кельтиберов пегие; будучи переведены во внешнюю Иберию, они изменяют масть; они похожи, прибавляет он, на парфянских лошадей, потому что они быстры и лучшие скакуны, чем какие бы то ни было другие.

16. В Иберии растет множество красильных корней. Что касается оливы, винограда, фиг и подобных растений, то берег Иберии, омываемый нашим морем, изобилует всем этим и очень много... из внешних северный приокеанский берег лишен всего этого вследствие холода, а остальная часть побережья—главным образом вследствие беспечности населения и потому еще, что оно при привычках дурно жить ищет не удовольствий, но единственно удовлетворения необходимых и животных потребностей, если не считать живущими ради удовольствий тех мужчин и женщин, которые умываются и чистят себе зубы мочой, застоявшейся в цистернах, что рассказывают о кантабрах и их соседях. Этот обычай, а также обычай спать на голой земле свойствен иберийцам и кельтам. Некоторые авторы говорят, что каллики не имеют богов, а кельтиберы и их северные соседи

¹ Гамлей, кремнекислый цинк.

по ночам во время полнолуний пляшут со всем семейством и пируют перед дверями своих домов в честь какого-то безыменного бога. Когда веттоны вошли в первый раз в римский лагерь и увидели, как некоторые начальники отряда ходили ради прогулки взад и вперед, то приняли их за сумасшедших и показывали им путь к палаткам, потому что, по мнению веттонов, они должны были или лежать спокойно или сражаться.

17. Украшение некоторых иберийских женщин, о котором говорит Артемидор, можно также считать признаком их варварства; именно, некоторые женщины носят на шее железные ожерелья с загнутыми крючками, которые возвышаются над головою и выступают далеко перед лицом; на эти крючки они надевают, когда захотят, покрывало, которое, опустившись, закрывает лицо тенью; женщины считают это украшением. В других местах они носят на затылке нечто наподобие круглого тимпана, крепко сжимающего голову до мочки уха и постепенно выгибающегося вверх ивширь; иные выстригают волосы на передней части головы до такой степени, что она блестит сильнее лба; некоторые ставят на голове палочку величиною в фут, обвивают ее волосами и потом вешают на нее черное покрывало. Кроме этих необычных особенностей, много еще рассказывают очевидцы, а много и придумывают сказок вообще о всех иберийских племенах, а в особенности о северных, звероподобных будто бы не только в своей отваге, но также в жестокости и бесчужденности. Так, матери во время кантабрыской войны убивали детей, чтобы избавить их от плена; по приказанию отца мальчик, добывши меч, умертвил всех своих родственников и братьев, взятых в плен и закованных в цепи; то же самое сделала и женщина с взятыми вместе с нею пленниками. Другой пленный, призванный к пьянствующим врагам, сам кинулся в огонь. Все эти нравы общи им с народами кельтскими, фракийскими и скифскими; общим свойством всех этих народов является также мужество не только мужчин, но и женщин. Эти женщины обрабатывают землю, а после родов укладывают в постель вместо себя своих мужей и ухаживают за ними. Часто за работами они моют детей и пленают, удаляясь к какому-нибудь источнику. Так передает Посидоний со слов гостеприимного своего хозяина в Лигистике, Хармолеона из Массалии, который рассказывал ему, что он как-то нанял мужчин и женщин копать землю. Одна женщина, почувствовав приближение родов, отошла в сторону недалеко от места работы и родив тотчас приступила снова к работе, не желая терять платы. Когда Хармолеон заметил, что она еле работает, сначала не знал причины, потом же, узнав причину, отпустил ее, заплатив ей за работу. Тогда женщина отнесла ребенка к источнику, обмыла его, спеленала, чем могла, и унесла домой.

18. Не одним только иберийцам свойствен обычай ездить вдвоем на одной лошади; но в битве один из всадников сражается пешим. Множество мышей, которые нередко бывают здесь причиною заразных болезней, свойственны не одной Иберии: то же самое римляне видели в Кантабрии, так что там даже назначались награды лицам, поймавшим известное число мышей, и жители едва избавились от них; к этому бедствию присоединялся еще недостаток хлеба и других предметов, между тем, доставка хлеба из Аквитании была затруднительна по причине неудобных путей сообщения. Относительно нечувствительности кантабров рассказывают, что однажды несколько человек, взятых в плен и пригвожденных к кресту, пели победные песни. Подобные случаи доказывают, конечно, значительную дикость их нравов. Но другие особенности, быть может не доказывающие цивилизации, по крайней мере, не зверские; так, например, у кантабров существует обычай, по которому мужчины дают брачные дары женщинам, дочери объявляются наследницами и женят братьев; следовательно, женщине здесь предоставлена некоторая власть,

что несогласно с гражданственностью. У иберийцев есть обычай иметь при себе яд, не причиняющий страданий, добываемый из растения, похожего на петрушку; сохраняют они его, чтобы иметь наготове на всякий непредвиденный случай. У них также в обычае связывать себя клятвою умереть за тех, с кем они заключили такой договор.

19. Некоторые говорят, что эта страна разделена на четыре части, как мы сказали выше; другие делят ее на пять частей. Решить это с точностью невозможно, по причине изменений и неизвестности этих местностей. В странах известных и знаменитых всякие перемены, как разделение страны, перемена имен и тому подобное, всегда известны, потому что обо всем этом толкуют многие, в особенности эллины, самый болтливый народ. А что происходит в отдаленных варварских странах, разделенных на мелкие части, известия о том будут малочисленны и недостоверны; а страны очень отдаленные от эллинов и совсем неизвестны. Римские писатели подражают греческим, хотя неудачно: то, что они говорят, заимствовано ими от эллинов, сами же они обнаруживают мало усердия к исследованию, так что, когда оказываются пробелы у греческих писателей, то их нельзя достаточно пополнить римскими. Кроме того, большая часть знаменитейших имен принадлежит эллинам. Древние писатели называли Иберией всю страну по ту сторону Родана (Роны) и перешейка, заключенного в Галатских заливах; между тем, современники наши считают границу ее Пиренеи и называют одну и ту же страну Испанией и Иберией. Некоторые называли Иберией только страну по сю сторону Ибера; еще ранее, как утверждает Асклепиад Мирлеанский (из Апамеи), иберами называли иглетов, занимавших небольшой клочок земли. Римляне, назвав всю эту страну Иберией или Испанией, безразлично, разделяют ее на две части: на «Испанию по ту сторону» и «Испанию по сю сторону» (Ибера); однако иногда они разделяют ее иначе, сообразуясь с обстоятельствами.

20. Теперь, когда одни провинции отданы во власть народа и сената, а другие во власть верховного главы римлян, Бетика принадлежит народу, и в нее посылается претор вместе с квестором и легатом. Восточная граница Бетики тянется близ Кастрола. Остальная часть Иберии принадлежит кесарю, который от себя посылает двух легатов, преторианского и консулского; преторианский вместе с своим легатом должен производить суд над лузитанцами, которые прилегают к Бетике и простираются до реки Дурия и его устьев; в настоящее время собственно эту страну вместе с городом Августой Эмеритой называют Лузитанией.

Остальная часть Иберии,—а это самая большая часть ее,—состоит под управлением консула, располагающего значительным войском, около трех легионов, и тремя легатами, из которых один, имея под своею властью два легиона, наблюдает за всею северною частью страны по ту сторону Дурия, которую прежде называли Лузитанией, а теперь Каллаикой. С этою областью соприкасаются северные участки вместе с астурами и кантабрами. Через область астуриков протекает река Мелс, а немного дальше стоит город Нойга, неподалеку отсюда находится топь, отделяющая астуриков от кантабров. Ближайшей горною страной до Пиренеев управляет другой легат с третьим легионом. Под управлением третьего находится внутренность материка, именно народы, которые называются уже тогда, как бы мирными, цивилизованными наподобие италийцев; они одеваются в тогу и трабеу. Это,—кельтиберы и жители обоих берегов Ибера, простирающиеся до приморских частей. Сам проконсул зимует в приморских местностях, в особенности в Карфагене и Тараконе, производя здесь суд; летом он ездит по провинции, с целью узнать, не нуждается ли что-либо в улучшении. Здесь живут также кесарские чиновники, всадники, выдающие солдатам деньги на необходимые их потребности.

Глава пятая

1. В число островов, лежавших у Иберии, входят, во-первых, два Пителиузских и два Гимнезийских, которые называются также Балеарскими; расположены они у берегов между Тараконом и Сукроном; на этом же берегу стоит город Сагунт. Пителиузские острова лежат далее в открытом море и ¹ находятся более к западу, чем Гимнезийские. Один из них называется Эбусом с городом того же имени; он имеет в окружности четырехста стадий, и длина его почти такая же, как и ширина. Другой называется Офиусой. Он лежит недалеко от первого, гораздо меньше его и пустынен. Из Гимнезийских островов один, больший, имеет два города, Пальму и Поленцию; последний из них лежит на востоке, а первый на западе. Длина острова немного меньше шестисот стадий, а ширина двести стадий. Артемидор, впрочем, говорит, что и ширина и длина вдвое больше этого. Другой остров, меньший, отстоит от Поленции почти на <двести> семьдесят стадий; по величине он значительно уступает первому, но по достоинствам несколько не хуже его. Оба острова плодородны и имеют много гаваней, у входов в которые есть подводные камни, так что врывающиеся в них должны быть осторожны. Благодаря плодородию почвы, и их жители ведут мирный образ жизни, подобно жителям Эбуса. Когда некоторые из них, немногочисленные и преступные, вступили в сообщество с морскими разбойниками, то были заподозрены все, и поэтому на них пошел войной Метелл, получивший прозвище «Балеарский», который, говорят, и основал здесь города. Жители этих островов подверглись² такому обвинению и нападению благодаря своему богатству, хотя сами были мирными; однако они считаются лучшими пращниками; говорят, что они упражнялись в этом искусстве особенно с тех пор, как финикияне завладели их островами. Они же, как рассказывают, первые научили носить туники с широкою каймою.... В сражение они являлись обыкновенно без поясов, с щитом в руке... или с обоженным копьем, только редко снабженным небольшим железным наконечником. Вокруг головы они носят три пращи из черного ситника [это тот вид ситника, из которого плетутся веревки; поэтому Филет в «Гермене» («объяснении») говорит:

«Жалок и грязен хитон; вокруг поясицы бессильной
Черного ситника вязь вяется веревкой простой»,

как будто бы речь идет о подпоясанном веревкою из ситника], или из волос, или из жил. Одни пращи—с длинными сторонами для метания на большое расстояние, другие—с короткими для метания на короткое расстояние и средней длины—для средних расстояний. В метании из пращей они обыкновенно упражнялись еще с детства в такой степени, что давали детям хлеб только тогда, когда они попадали в него пращою. Поэтому Метелл, подплывая к островам, велел растянуть над палубами судов кожи для защиты от камней из пращей. Он привел сюда из Иберии римских колонистов в числе трех тысяч.

2. К плодородию почвы присоединяется еще то, что здесь трудно найти хоть одно вредное животное: самые зайцы там, говорят, не туземны, но расплодилось от одной пары, привезенной с берега Иберии; в начале число зайцев было так велико, что они подрывая разрушали дома и деревья, и жители вынуждены были, как мы сказали выше, обратиться за помощью к римлянам. Теперь ловкость охотников предупреждает большой вред от них, и всякий землевладелец может с выгодой для себя обрабатывать землю.

¹ Таково чтение этого испорченного места у Шпенгеля; Мейнеке предполагает здесь лауну (пропуск в тексте).

² В издании Беккера на основании рукописей прибавлено: «как это бывает всегда».

3. Эти острова лежат по сю сторону, так называемых, Геракловых Столбов. У самых Столбов находятся два островка, из которых один называют островом Геры. Некоторые называют и эти островки Столбами. По ту сторону Столбов лежат Гадейры, о которых мы только сказали, что они отстоят от Кальпы на семьсот пятьдесят стадий; остров этот лежит недалеко от устья Бетиса: о нем рассказывают очень много. Его жители снаряжают самые большие и в самом большом числе корабли и в наше море, и во внешнее, хотя они не занимают большого острова и не владеют большим количеством земли на противоположном берегу, не владеют и другими островами, но живут большей частью на море; только немногие сторожат свой остров или живут в Риме. Однако город их по населению, кажется, не уступит ни одному, кроме Рима. Так, я слышал, что в одной из переписей нашего времени было насчитано пятьсот человек одних гадитанских всадников, столько, сколько не оказалось нигде, ни в одном италийском городе, кроме Патавии. Вот каково было их число, и они владеют островом, который имеет в длину немного больше ста стадий, а в ширину в некоторых местах одну стадию. Сначала они занимали город совсем небольшой, но Бальб гадитанский, удостоенный триумфа, пристроил другой город, который называется «Новым»; из двух городов получилась «Дидима», город (близнец), имеющий в окружности не более двадцати стадий. Он не был тесен, потому что только немногие жили в нем, а большинство проводило время на море; некоторые жили на противоположном берегу, в особенности на противоположащем островке перед берегом, благодаря его плодородию; остров этот они сделали как бы противоградом Дидима, будучи довольны его местоположением. Тем не менее Дидима, так и тот, что основан для них Бальбом на противоположном берегу, как приморская гавань, заселены относительно слабо. Город расположен в западной части острова, к нему примыкает храм Кроноса, находящийся на краю острова, против островка. На другой стороне, обращенной к востоку, стоит храм Геракла, там, где остров наиболее приближается к материку, образуя пролив почти в одну стадию. Желая сравнить число миль с числом подвигов Геракла, говорят, что храм отстоит от города на двенадцать миль; на самом деле, расстояние это больше: оно почти равняется протяжению острова от запада к востоку.

4. Ферекид называет Гадейры, как кажется, Эрифиею, к которой приурочивается миф о ГерIONE. Другие понимают под этим именем остров, расположенный перед Гадейрами и отделенный от них проливом в одну стадию; так как здесь есть прекрасные пастбища, а молоко пасущихся на них овец вовсе не дает сыворотки, то для приготовления сыра к молоку, очень жирному самому по себе, они прибавляют много воды. В пятьдесят дней животное задыхается, если ему не выпустят сколько-нибудь крови. Поедаемая овцами трава суха, но делает животное очень жирным. Это приводится как доказательство, что сказание о стадах ГерИОНА сочинено там; весь берег, однако, находится в общем владении.

5. Об основании Гадейр рассказывают следующее: гадитаны помнят об оракуле, который, говорят; и приказал тирийцам послать колонию к Геракловым Столбам. Посланные для осмотра местности приплыли к заливу при Кальпе и, полагая, что оконечности, образующие пролив,— а они думали, что именно их оракул и называет Столбами,—составляют край обитаемой земли и предел походов Геракла, то они высадились на том месте по сю сторону пролива, где теперь находится город экситанов. Здесь они принесли жертву и, так как жертвенные знамения были для них неблагоприятны, вернулись назад. Однако впоследствии другие колонисты пошли дальше за пролив почти на тысячу пятьсот стадий от него, к острову, посвященному Гераклу и расположенному против города Онобы

в Иберии и, предполагая, что здесь именно находятся Столбы, принесли богу жертву; но когда знамения снова оказались неблагоприятными, они вторично вернулись домой; наконец, пришедшие сюда в третий раз основали Гадейры и построили на восточной стороне острова храм, а на западной город. Этим объясняется, что одни считают Геракловыми Столбами мысы в проливе, другие Гадейры, третьи полагают, что они еще далее, по ту сторону Гадейр. Некоторые считают Столбами Кальпу и Абилик, гору, противоположащую Кальпе со стороны Ливии, которую Эратосфен помещает в области кочевого племени метагонцев. Другие признают за Столбы лежащие неподалеку отсюда островки, из которых один называется островом Геры. Артемидор упоминает об острове Геры и о храме ее, но подразумевает при этом какой-то другой остров, не упоминая ни о горе Абилике, ни о метагонском племени. Некоторые переносят сюда даже Планкты и Симплегады, считая за Геракловы Столбы то, что Пиндар называет Гадейрскими воротами, говоря, что сюда, как к крайнему пределу, доходил Геракл. Дикеарх, Эратосфен, Полибий и вообще большинство эллинов помещают Столбы в проливе. Иберийцы же и ливийцы, напротив, утверждают, что они находятся в Гадейрах, а у пролива, прибавляют они, нет ничего похожего на Столбы. Другие принимают за Столбы те медные колонны в восемь локтей в храме Геракла в Гадейрах, на которых обозначены издержки на сооружение храма. Окончив плавание у этого пункта и принеся жертву Гераклу, моряки создали широко прославленное сказание, что здесь конец земли и моря. Посидоний полагает, что это мнение наиболее достоверно, но изречение оракула и многократные путешествия он считает выдумкой финикийн. О путешествиях, если бы кто стал говорить за или против них, то оба предположения одинаково бессмысленны; вот если не признают сходства островов или гор с Столбами, а в то же время ищут границ земли и предела путешествия Геракла именно у Столбов, то это имеет некоторое основание, потому что в древности был обычай обозначать именно таким способом границы; так это сделали регинцы, которые поставили столб в виде башни у пролива, а, так называемая, башня Пелора возвышается против этого столба на другой стороне. Затем, так называемые, жертвенники филенов помещаются почти посредине страны между Сиртами. Упомянутой также о столбе, некогда поставленном на Коринфском перешейке; его воздвигли ионяне, занявшие Аттику вместе с Мегаридой, по изгнании их из Пелопоннеса, вместе с владетелями Пелопоннеса; на стороне столба, обращенной к Мегариде, они написали: «Это не Пелопоннес, но Иония», а на противоположной стороне: «Это Пелопоннес, а не Иония». Александр обозначил предел своего похода в Индию, поставив жертвенник на крайнем пункте своего пути к восточным индийцам, подражая в этом Гераклу и Дионису. Таков-то был обычай.

6. Вполне естественно, что подобные места получили такое название в особенности после того, как время сокрушило пограничные знаки. Так, теперь уже нет жертвенников филенов, но место удерживает свое название; говорят также, что и в Индии не видно более столбов Геракловых или Дионисовых; тем не менее, македоняне, когда им называли те или другие места и указывали на следы того, что рассказывалось о Дионисе или Геракле, они принимали их за столбы. Поэтому вполне вероятно, что лица, явившиеся первыми в Гадейры, поставили для обозначения границ жертвенники, башни или столбы, созданные руками человеческими на крайних и наиболее заметных пунктах своего пути, а наиболее заметными пунктами для обозначения начала и конца местности оказываются проливы и прилегающие к ним горы и острова. Когда исчезли воздвигнутые руками человеческими памятники, название их перенесено было на самые местности,

были ли то острова или мысы, образующие пролив. Теперь трудно определить, относилось ли название Столбов к островам или к мысам, потому что Столбы похожи на те и на другие. Я говорю о сходстве потому, что столбы сооружаются в таких местах, которые ясно представляют края, почему этот пролив и многие другие называются устьями, так как устье для входящего в реку представляет начало, а для выходящего конец. Островки, расположенные перед устьем и имеющие правильную и ясно обозначенную форму, легко можно сравнить с столбами. Равным образом скалы, вдающиеся в пролив и заканчивающиеся выступами, наподобие столбов, могут быть приняты за столбы. Так и Пиндар был бы прав, говоря о Гадейрских воротах, если бы столбы разумелись при устье, потому что устья похожи на ворота. Однако Гадейры лежат не в таком пункте, чтобы могли обозначать край, они, напротив, лежат почти посередине большого идущего в виде залива берега. Мнение, будто Геракловыми Столбами называются колонны в Геракловом храме, как мне кажется, еще менее основательно, потому что имя это с самого начала дано было не купцами, а скорее предводителями, чья слава получила веру над достоверностью, как это было и с Индийскими столбами. Кроме того, надпись, о которой говорят, содержит в себе не образ религиозного посвящения, но сумму издержек и, таким образом, не согласуется с вышеприведенным мнением, потому что, надо полагать, Столбы Геракла должны были быть памятником его великих подвигов, а не издержек финикиян.

7. Полибий говорит, что в гадейрском храме Геракла находится источник с годною для питья водою, к которому ведет лестница в несколько ступеней; течения в этом источнике обратны морским течениям, потому что во время приливов вода в нем спадает, во время отливов поднимается. Полибий объясняет это явление тем, что течение воздуха, поднимающееся из глубины земли на поверхность, возвращается внутрь, задерживаемое в своих обычных проходах, закрывает пути источников и производит недостаток воды вследствие того, что поверхность земли при приливах покрыта волнами поднявшегося моря. Когда же поверхность земли обнажится, жилы источника освобождаются, и он снова несет воду в изобилии. Артемидор не соглашается с ним и предлагает другое объяснение, ссылаясь на мнение историка Силана, которое, как мне кажется, не стоит упоминания, так как ни он, ни Силан не понимали этого явления. Посидоний, считая этот рассказ вздором, замечает, что в Геракловом храме есть два источника, а в городе третий; меньший из источников, находящихся в храме, в те часы, когда из него долго черпается вода, высыхает, наполняясь снова, когда перестают черпать из него. Большой имеет воду целый день, и, хотя вода в нем спадает и истощается, как и в других источниках, но он снова наполняется ночью, когда черпание прекращается. Так как отлив часто совпадает с новым пополнением этих источников, то туземцы легковерно допускают зависимость этих явлений. Что этому рассказу верят, говорит не только Посидоний, но и я сам слышал его в числе рассказов о невероятных вещах. Я также слышал, что существуют источники, одни перед городом в садах, другие в самом городе, но вследствие дурного качества воды в них жители города имеют много цистерн для (хорошей) воды. Мы не знаем, существуют ли в каком-либо из этих источников следы упоминаемой обратности явлений. Если этот факт действительно существует, то причины его должно считать трудно объяснимыми: может быть, дело обстоит так, как говорит Полибий; но возможно также, что некоторые жилы источников, питаемые извне, переполняются и выливают излишек воды в сторону, а не несут ее по прежнему руслу к источнику; питаются же они набегающими волнами неизбежно. Если явления приливов и отливов сколько-нибудь похожи на вдыхание и выдыхание, как говорит Афендор,

то, быть может, существуют текучие воды, которые по самой природе пробиваются на поверхность земли на некоторых путях; отверстия последних мы называем ключами, или источниками; на других путях эти воды устремляются в глубину моря, которое тогда поднимается, волнуется, как бы выдыхает, а они покидают обычное русло, пока морской отлив не позволит им снова вернуться в него.

8. Не понимаю, почему Посидоний, считающий обыкновенно финикийян людьми благоразумными, в настоящем случае представляет их скорее глупыми, чем остроумными. В то время как день и ночь измеряются оборотом солнца, находящегося то под землею, то над землею, Посидоний говорит, что движение океана соответствует круговому движению небесных светил, причем океан образует, согласно с луною, периоды: суточный, месячный и годовой. Так, когда луна поднимается на высоту зодиака над горизонтом, тогда и море поднимается и разливается по суше до тех пор, пока луна не станет посередине неба; когда же луна понижается, море мало-помалу отступает назад до тех пор, пока луна не станет над горизонтом на высоте зодиака; море пребывает в спокойном состоянии до тех пор, пока луна не достигнет самого запада и даже дальше того, пока под землею она не отойдет от горизонта на высоту зодиака. После этого море опять поднимается, пока луна под землею не станет снова посередине неба; потом море снова отступает назад до тех пор, пока луна, приближаясь к востоку, не будет отстоять от горизонта на высоту зодиака; затем море пребывает в покое до тех пор, пока луна не поднимется над землею на высоту зодиака, и затем снова поднимается. Таков, говорит Посидоний, суточный период. Месячный состоит в том, что большие приливы и отливы бывают во время новолуний, потом уменьшаются до второй четверти; затем снова увеличиваются до полнолуния и опять уменьшаются до конца второй четверти; после этого увеличения происходят до новолуния и бывают значительные и по времени и по скорости. Далее Посидоний говорит, что о годичном периоде он узнал от жителей Гадейр, которые уверяли, что понижение и поднятие моря сильнее всего во время летнего поворота. Сам он отсюда заключает, что от поворота до равноденствия явления эти слабеют и усиливаются от равноденствия до зимнего поворота; до весеннего равноденствия снова слабеют и усиливаются до летнего поворота. Так как круговорот приливов и отливов совершается каждый день и каждую ночь, потому что море дважды поднимается и дважды опускается с правильностью в каждый промежуток времени, то каким образом возможно, чтобы пополнение источника часто совпадало с отливами, а его обмеление не часто? или же хотя бы даже часто, но не равномерно? И если даже равномерно, то почему гадейриты не были способны наблюдать то, что совершается ежедневно и, напротив, могли наблюдать годичные круговороты на основании того, что совершается однажды в год? Но что Посидоний верит им, это очевидно из того, что он сам предполагает ослабление и усиление явлений от одного солнечного поворота до другого и потом обратное движение. Действительно, невероятно, чтобы внимательные наблюдатели не видели того, что совершается, и верили тому, чего не бывает.

9. Посидоний, кроме того, сообщает, что Селевк, родом с берегов Красного моря, полагает правильность и неправильность этих явлений в зависимость от различных положений зодиака, именно: когда луна бывает в зодиаках равноденствия, явления прилива и отлива однообразны, а когда на высоте тропиков, в этих явлениях замечается неправильность в силе и в скорости; что касается прочих положений луны, то отношение определяется большей или меньшей близостью его к тропику или к равноденственному зодиаку. Но он сознается, что, живя во время летнего солн-

цеворота в период полнолуния несколько дней в храме Геракла в Гадейрах, он не мог заметить годовых различий; напротив, во время новолуния того же месяца он наблюдал при Илипе значительную разницу в поднятии реки Бетия, в сравнении с прежними, когда воды реки не покрывали берегов даже до половины; а в тот раз вода поднялась так высоко, что солдаты могли брать ее. А ведь Илипа отстоит от моря почти на семьсот стадий. Приморские равнины почти на тридцать стадий вглубь страны покрывались водою во время наводнения, так что заливались даже острова; а фундамент храма Геракла и насыпь, лежащая перед гаванью в Гадейрах, покрывались водою не меньше, чем на десять локтей, как он сам будто бы измерил. Если мы прибавим к высоте наступающего иногда прилива двойную высоту его, то можно будет представить себе размеры, каких достигает разлив в этих равнинах. Впрочем, явление это вообще приписывается всему окружающему берегу океана. Но кое-что новое и своеобразное сообщает Посидоний о реке Ибере: иногда она разливается без проливных дождей и без снегов, когда усиливаются северные ветры. Причина этого заключается будто бы в озере, через которое эта река течет, потому что ветры выгоняют озерную воду вместе с рекою.

10. Посидоний, кроме того, рассказывает, что в Гадейрах есть дерево, ветки которого сгибаются до земли, и большая часть листьев мечевидны, длиною в локоть, а шириною в четыре пальца. Подле Нового Карфагена растет другой вид дерева, замечательный тем, что шипы его доставляют лыко, из которого приготавливаются прекрасные ткани. В Египте я сам видел дерево, похожее на гадейское по наклоненным веткам, но отличающееся от него листьями; плодов оно не дает, чем также отличается от гадейского, которое, говорит Посидоний, приносит плоды. Из терна ткуются также материи в Каппадокии; впрочем, здесь не дерево дает шипы, из которых получается лыко, но низкий кустарник. О дереве в Гадейрах Посидоний рассказывает еще, будто из отломанных веток его течет молоко, а из разрезанного корня сочится жидкость красного, как сурик, цвета. Вот что хотел я сообщить о Гадейрах.

11. Каттитеридских островов десять; лежат они в открытом море близко друг к другу, к северу от гавани артабров; один из них пустынен; прочие населены народом, носящим черные плащи и хитоны до пяток; они опоясывают грудь, гуляют с палками, похожие на трагических богинь наказания (фурий); большею частью ведут кочевой образ жизни, питаются от своих стад. Они обладают рудниками свинца и олова и выменивают у купцов за эти металлы и за кожи глиняную посуду, соль и вещи из меди. В древности одни финикияне вели с ними торговлю из Гадейр, скрывая от всех этот путь. Когда однажды римляне шли следом за одним из мореходов с целью самим узнать эти места торговли, то он из корысти намеренно посадил свой корабль на мель и, погубив таким же образом и своих преследователей, сам спасся вследствие их кораблекрушения, а от государства получил вознаграждение за потерянные товары. Однако римляне после неоднократных попыток открыли, наконец, этот морской путь, и, когда потом Публий Красс прибыл к островам и увидел, что металлы добываются здесь на незначительной глубине, что здешнее население мирно, он показал и другим, желающим спокойно плыть этим морем, хотя оно длиннее того, что ведет от нас в Британию.— Вот всё об Иберии и лежащих перед нею островах.

Перевод проф. Ф. Г. Мищенки

